

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Платонов Ф.Е. Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У": фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение" // Филология: научные исследования. 2025. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75763 EDN: TTYRUY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75763

Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У": фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"

Платонов Федор Евгеньевич

ORCID: 0009-0005-5904-343X

аспирант, факультет Медиакоммуникации и журналистика; образовательное частное учреждение высшего образования "Московский университет имени А.С. Грибоедова"

109559, Россия, г. Москва, р-н Люблино, ул. Краснодарская, д. 52, кв. 8

 fedor.platonoff@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.75763

EDN:

TTYRUY

Дата направления статьи в редакцию:

04-09-2025

Аннотация: Роман Вс. Иванова «У» явился попыткой этого писателя откликнуться на поиск советским государством и обществом новых возможностей и форм пролетарской жизни. В указанном произведении Иванов намечает контуры утопического проекта, рождающегося из реальности рубежа 1920-х – 1930-х гг. Однако художественная логика текста и иррационально-ориентированный талант писателя проявили противоположную сторону этого проекта, и потенциальная техническая утопия в книге обернулась вероятной антиутопией. В качестве объекта исследования в статье выступают антиутопические мотивы романа Вс. Иванова «У», предмета исследования – причинно-следственные связи жанрового реверсирования и специфика реализации элементов антиутопического жанра. Статья концентрирует внимание на критериях, позволяющих утверждать наличие антиутопических мотивов в романе «У», – ненормальность системы ценностей, связанной с насилием и обманом; сомневающийся, «задумавшийся» герой, предстающий в образе «простака»; тотальность несвободы, планируемой героем,

проецирующим через себя государственную власть, государственное насилие, реализуемое его агентами, и проч. Используются методы жанрового, мотивного и сравнительно-сопоставительного анализа. В первом случае обозначаются составляющие антиутопии (ценности, герой, насилие, несвобода), во втором – исследуются лейтмотивные комплексы (Храм Христа Спасителя, яйцо), в последнем – рассматриваются две редакции романа – собственно "У" и "Багровый закат" – в части описания ими утопического проекта. Актуальность исследования обуславливается интересом литературоведения к рассмотрению явлений сложной жанровой природы. Роман Вс. Иванова «У», содержащий элементы утопии, анализируется в статье в качестве произведения с антиутопическими мотивами. Новизна определяется недостаточной изученностью «У» в целом и подходом к нему с точки зрения особенностей реализации в нём антиутопического жанра. В отличие от иных работ, обращающих внимание на биографические, металитературные, психологические аспекты "У", автор исследует парадоксы его жанровой природы и порождаемые ею смыслы. Вс. Иванов, намечая техническую социалистическую утопию – бесклассовое общество, одновременно силой своей писательской интуиции разоблачает методы и последствия её создания. Персонажи внешне принимают и при этом внутренне отвергают утопический проект, опираясь на свою аффектированную, но понятную человеческую природу, выраженную через фоносемантику звука «у».

Ключевые слова:

утопия, антиутопия, фоносемантика, жанр, лейтмотивный комплекс, жанровый реверс, аффекты, перерождение, саморазоблачение, интертекст

Введение

Роман «У» как непрочитанная книга

Исследователи, что занимались романом Вс. Иванова «У» (1931–1933), отмечают его сложность, его экспериментальный характер [4; 13]: «Судьба книги и её восприятие осложнены изощрённым художественным построением, "У" аллюзивен от начала до конца, и это создаёт главные трудности» [9]. Причём «всё это в объеме полномасштабного романа, внутри классических единства места, времени и действия, – с парой боковых детективных сюжетов, с ритмическими паузами, заполненными комическими драками и эротическими картинками, с кульминационным сновидением про петуха и финалом в виде карнавального шествия» [15, с. 195]. Некоторые вполне опытные читатели и исследователи и вовсе говорят про то, что это произведение они не понимают. В результате сложилась ситуация, при которой роман классика советской литературы до сего дня оказался по-настоящему не прочитан. Его сюжет непросто корректно пересказать, а его смыслы, начиная с названия и эпиграфов и заканчивая финальными строками, трудно вычленить. В этой связи «У» порождает множество интерпретаций – например, жанровых и металитературных. При этом одним из возможных прочтений романа может быть анализ антиутопических мотивов, которые в нём также обнаруживаются.

Жанр антиутопии в советской литературе 1920-х – 1930-х годов

Жанр антиутопии для литературы 1920-х – 1930-х годов – один из значимых и широко распространённых [5; 6; 10; 11; 14]. Причины этого понятны: в этот период страна

форсированно искала, создавала новый цивилизационный путь, и этот путь мог быть увиден как утопия. Но, как известно, когда обозначается возможность утопии, то по закону крайности и противоположности может проявиться пусть субъективное [12, с. 40], но ощущение близости превращения утопии в антиутопию. И как раз творчество Вс. Иванова двадцатых готов и рубежа десятилетий богато на это ощущение [8]. Так, например, антиутопические мотивы можно обнаружить в рассказе «Происшествие на реке Тун» (1925) и романе «Иприт» (1925).

Цель и задачи статьи

Цель статьи — проанализировать роман Вс. Иванова «У» с точки зрения реализации в нём жанра антиутопии. Выявить основные особенности сюжета, героев, мотивов, образов книги, которые позволяют отнести её к указанному жанру. Определить специфику ивановской антиутопии в названном романе на фоне второй редакции книги и советской литературы обозначенного периода.

Актуальность и научная новизна исследования

Актуальность исследования обуславливается интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений сложной жанровой природы. Так, роман Вс. Иванова «У», являющийся романом с ключом, содержащий элементы утопии, могущий быть записан по ведомству сатиры, анализируется в представленной статье в качестве произведения с антиутопическими мотивами. Новизна определяется недостаточной изученностью «У» в целом и подходом к нему с точки зрения особенностей реализации в нём антиутопического жанра. В отличие от других литературоведческих работ, обращающих внимание на биографические, металитературные, психологические и иные аспекты «У», статья, прежде всего, анализирует парадоксы жанровой природы книги и порождаемые ею смыслы.

Методы исследования

В статье используются методы жанрового, мотивного и сравнительно-сопоставительного анализа. В первом случае обозначаются составляющие антиутопии, во втором — исследуются лейтмотивные комплексы текста, в последнем — рассматриваются две редакции романа — собственно «У» и также «Багровый закат» — в части описания ими схожего утопического проекта.

Объект и предмет исследования

В качестве объекта исследования в статье выступают антиутопические мотивы романа Вс. Иванова «У», предмета исследования — причинно-следственные связи жанрового реверсирования и специфика реализации элементов антиутопического жанра.

Основная часть

Герой романа и особенности его «негации»

Леон Ионович Черпанов, герой книги «У», не только созданный по принципу двойного портрета и имеющий, по мысли Е. В. Перемышлева, черты автора и В. Б. Шкловского [9], отсылает, в частности, к гоголевскому Чичикову. По сюжету он набирает в Москве «рабсили» для строительства и работы Шадринского металлургического комбината. Помимо авантюрного замысла этого предприятия и авантюрного склада характера Черпанова (который, кроме этого, промышляет о «вечном» двигателе), важной оказывается его идея о создании бесклассового общества, точнее, об интеграции в

новую, советскую жизнь людей, которые оказались за её пределами (это «мещане, мелкая буржуазия, собственники, спекулянты» [\[2, с. 104\]](#), или иначе — «чесоточные души и клоповьи души» [\[2, с. 17\]](#)): «Он привозит на Урал такую рабсилу, которая будет трудиться лучше прочих, потому что она свежа, она энергична и опытна, она рвётся до дела, она хочет проникнуть тоже в бесклассовое общество» [\[2, с. 105\]](#).

Черпанов, подобно Чичикову, пытается прибрести «мёртвые души» и, подобно Н. В. Гоголю, сделать их живыми: «...нашему комбинату поручено в виде опыта перерабатывать не только руду, но и с такой же быстротой людей, посредством ли голой индустрии, посредством ли театра или врачебной помощи — всё равно» [\[2, с. 62\]](#). Идея создания, воспитания нового человека, не раз озвученная в советской философии и литературе, осмысленная в качестве возможного и необходимого социального проекта и в том числе увиденная в качестве катастрофы (см., например, «Собачье сердце» М. А. Булгакова и др.) в этих словах, этой метафоре Черпанова звучит не только как утопия, но и как антиутопия. Вс. Иванов намечает в романе светлое техническое советское будущее: сейчас «Машина человеком притиснута вплотную к его сердцу» [\[3, с. 31\]](#); в будущем будет баня, в которой можно «выжать из человека грязь, пот и мерзость», будут дома «с газом, лифтами, разноцветными клумбами», «библиотечный зал в клубе», где «все читают, играют в шахматы», дети будут заниматься театре; «передо мной побежали чистые улицы, залитые светом, прямые голубые горы, леса вокруг, полные грибов и ягод» [\[2, с. 189\]](#). Но при этом отношение Черпанова к людям, которых он планирует привести к свету, не может не вызвать отторжения. Для него они масса (причём масса не общественном, а как будто в физическом смысле), но не личности («даже «дрянь»). Он, хотя заявляет противоположное, не учитывает их разности и сложности, и легко допускает насилие над ними: «Мы её хватаем — и в домну!», «Сади их на осёдлость, заставляй их приспособляться к жизни, дистиллируй их» [\[2, с. 63, 60\]](#). В разговоре с Жаворонковым Черпанов проговаривает также и возможность обмана своей «рабсилы»: «...берите на себя, Кузьма Георгич, добровольность, а остальным предоставьте разверстку. Шестьсот двадцать человек, конечно, трудно удержать в добром повиновении, если им все добровольно. Ну, дайте им кое-какую добровольность, мочиться там сколько они хотят в день, судачить» [\[2, с. 136\]](#).

Фоносемантика аффектированной индивидуальности: сопротивление мещанской природы

Интересно при этом, что сам роман называется «У» и что в каждом из трёх эпиграфов фиксируется фоносемантическая специфика этого звука: «у», согласно им, проявляет индивидуальность, самость человека в их аффектированном выражении. Жители дома №42 поют песню, «походящую на волчий вой»: «Лица у всех были мрачные, <...> в припеве выпадали все звуки и оставался один: "У... у..."» [\[2, с. 275-276\]](#). И хотя у этих воющих людей железные скулы (метафорическая близость к технике, к машинам), одновременно писатель отмечает звериные черты в их облике: у них «тоненькие мордочки» [\[2, с. 276\]](#). Неслучайно проект Черпанова в книге остался нереализованным: и герой и его двойники предлагают бесчеловечные способы перемен к лучшему, и сами люди по разным причинам сопротивляются скорому и насильственному своему «перерождению». В этой связи показательна сцена с походом-шествием на стадион жильцов дома №42, кандидатов на переселение на Урал. Собравшиеся начинают строиться, но варианты построения оказываются один другого абсурднее и сопровождаются поркой детей. Жильцы стремятся к упорядоченности своего шествия, но

устраивают, скорее, хаос. Их поход напоминает карнавал, но этот карнавал в своём замысле содержит попытку реализации обезличивающей интенции. Так, отмечается, что доктор Матвей Иванович Андрейшин, также промышляющий о проекте преобразования человека, «любил театральные эффекты; если б было возможно, он не прочь бы был и зажечь факелы и пустить парочку соответствующих плакатов» [\[2, с. 261\]](#).

Религиозные аспекты утопии и антиутопии романа «У»

Черпановский проект должен строиться вокруг «пролетарского ядра», но парадоксально он проявляется и как проект религиозный. Действие ивановского романа происходит в год и на фоне разрушения Храма Христа Спасителя (1931). Образ этого храма оказывается встроен в сложный лейтмотивный комплекс «У». Храм, конечно, символ христианской жизни: «Громада символизировала бога» [\[2, с. 17\]](#). И его разрушение «было для обывателя, пожалуй, пострашнее, чем октябрьский переворот» [\[2, с. 17\]](#). Уничтожение храма — это уничтожение прежней веры и, как следствие, повреждение человеческих душ. Так, Жаворонков, бывший церковный староста, стал активным безбожником: «Плюю я на Храм! — крикнул Жаворонков и как-то беспомощно покраснел. — И на чудотворные иконы плюю! Я могу любую чудотворную икону в антирелигиозный плакат превратить в два счёта!..» [\[2, с. 74\]](#). Его поведение схоже с тем, как поступают герои «Бесов» Ф. М. Достоевского. (При этом трагичность сноса Храма Христа Спасителя в «У» соединяется у Иванова с критикой церкви, которая обнаруживается в словах Егора Егоровича, секретаря «большого человека» Черпанова, но за которыми слышен голос автора: «...лежали кирпичные груды взорванной церквушки, от которой еще уцелели своды с фресками конца XIX столетия, где святые, несмотря на мантии и ризы, все же походили стрижеными бородками и упитанными лицами на чиновников времени Николая II-го» [\[2, с. 93\]](#). И одновременно разрушение храма в романе — нечто постыдное для российской жизни, подобное снятию одежды: «... вместе с храмом Христа Спасителя разрушалась и та часть одежды, которая в обыденном понимании носит название юбки, она чуть ли не до ...» [\[2, с. 132\]](#).) Уральские горы, по словам Черпанова, это пьедестал для восстановления Храма Христа Спасителя. Но Черпанов и в этом оказывается противоречивым или мимикрирующим героем. Религиозный посыл он помещает в секуляризованную, даже десакрализирующую форму: храм превращается в светское заведение — в театр или в клуб: «...мы вначале его восстановим, не так, чтобы уж сразу храм, а так вроде театра с высоконравственными и целомудренными произведениями» [\[2, с. 136\]](#). По предположению А. М. Эткинда (Министерством юстиции России внесён в список физических лиц «иностранных агентов»), эта линия сюжета идёт от «х» (икса) до «у» (игрека): «"У" — время, которое достанется на долю его сына» [\[15, с. 193\]](#), время неизвестное и тревожное. Черпанова здесь можно сравнить с Петром Верховенским, героем насмехающимся, соблазняющим, оборачивающимся диктатором. О жильцах дома №42 он говорит так: «Для них выяснилось, что они героями быть не могут и что вся теперь надежда на спасение — надежда на меня, так как они на стадион не в состоянии прийти» [\[2, с. 273\]](#). Следующая за этими словами сцена показывает, что жители дома №42 действительно едва ли не обожествляют Черпанова, несмотря на его грубость. Егор Егорович обращает внимание на то, что проект Черпанова при всей его непрограммированности, невнятности привлекал людей как будто бы своей тайной. Говоря словами Н. А. Бердяева, люди ориентировались на чудо, тайну и авторитет «великого инквизитора» [\[1, с. 76\]](#).

Егор Егорович, мнящий себя секретарём «большого человека», тот, кто задумывается в

произведении-антиутопии, замечает в Черпанове, докторе Андрейшине и других персонажах, составляющих коллективный образ создателя утопии-антиутопии, черты, не достойные большого замысла. Он слышит их «исповеди», в которых они сами себя разоблачают. Мир, который они планируют створить на Урале, в котором должно будет происходить «перерождение» людей, по сути похож на то, что начало происходить в реальности в 1920-е годы, и этот мир вызывает если не у Егора Егоровича, то у читателя естественное отторжение: «Андрейшин — это Чаадаев и Чацкий эпохи побеждающего тоталитаризма» [\[15, с. 196\]](#).

Лейтмотивный комплекс романа «У»: яйцо как символ социального пространства

Важный образ романа «У» — яйцо. Яйцо — образ, выражающий суть черпановского рода и характера: он тот, кому «доступно класть в необыкновенном количестве яйца жизни» [\[2, с. 166\]](#). Яйцо — это реализованный фразеологизм (Колумбово яйцо), символ короткой, но разрушительной дороги к преобразованию общества: «Мы разбиваем скорлупу планеты и скорлупу наших чувств» [\[2, с. 23\]](#). Яйцо — образ, позволяющий сказать о разности людей, несмотря на вроде бы схожий внешний вид: «Яйцо, более богатое желтком, например, имеет при определенных неблагоприятных обстоятельствах больше шансов дать жизнь крепкой молодой гусенице, чем яйцо, бедное желтком» [\[2, с. 162\]](#). Одновременно яйцо — это форма дома №42, в котором живёт большинство героев произведения, форма, предполагающая чаемую, но ошибочную однородность содержимого. Дом-притон, похожий на лечебницу для душевнобольных, в миниатюре обозначающий пространство страны, стремится к нивелирующему единству: «надо произвести общность имущества, надо проломать перегородки, устроить общее зало, произвести общность жен и детей, если мы буржуазия, отреченный класс, то наш переход надо показать по-подлинному, чтобы они увидали, если мы вздумаем сломать перегородки и решим устроить общую кухню, и если мы топили плиту по полену, — это уже указывает на то, что мы можем столковаться и об общей кухне и неужели не столкнемся об общей жене?» [\[2, с. 255\]](#).

А. М. Эткинд касается ещё одного аспекта идеи «преобразования» человека: «В разговоре Черпанова с бывшим церковным старостой идея перерождения раскрывается как достижение вечной молодости. Это близко обоим. Как достижение бессмертия посредством преодоления пола ("выходят их или как?") понимал ницшеанскую идею нового человека и В. Соловьев» [\[15, с. 195\]](#).

Заключение

Итак, роман «У» Вс. Иванова содержит в себе утопический проект, который при внимательном чтении обнаруживает приметы своей противоположности. Писатель говорит о нём, вероятно, исходя из необходимости шифра, намеренно непоследовательно, не вполне внятно, противоречиво. Однако основные черты антиутопии однозначно могут быть обнаружены в идеи создания бесклассового общества на Шадринском металлургическом комбинате на Урале, которая при этом мерцает религиозными проекциями — ложным восстановлением Храма Христа Спасителя среди гор.

Главный герой книги и его двойники промышляют о «перерождении» маргиналов, живущих в советском обществе. Но этот проект связан с обманом и насилием, лишением людей свободы. Каждая его составляющая, деталь оборачивается его саморазоблачением. Тем более, что «Вся власть в мире "У" полностью, totally

оккупирована политическими самозванцами» [\[15, с. 196\]](#). Герой-преобразователь предстаёт «великим инквизитором», его попытка изменить, облагородить людей, ввести их в новую, социалистическую жизнь сопровождается презрением к ним, неверием в эту возможность (к тому же, как выясняется по ходу действия, за каждую привезённую «душу» он должен получить от комбината по пятнадцати рублей). Неслучайно этот проект, его инициаторы и реализаторы соотносятся с образами и мотивами произведений Гоголя и Достоевского.

Вс. Иванов, обозначая что-то вроде технической утопии, одновременно опровергает её, показывая её безблагодатность и даже невозможность: для людей неестественно ходить строем, жить в тотальной общности, ощущать себя частью исключительно «физической массы». Обычные люди исполнены аффектов, символом которых в книге выступает звук «у», чьё фonoсемантическое истолкование восходит к теориям Ломоносова, интуициям Толстого и прозрениям Флоренского. И эти аффекты, живые, хотя и некрасивые человеческие чувства в «У» оказываются способом сопротивления опасной обезличивающей утопии/антиутопии тотального и радикального «перерождения» человека.

У романа, как известно, есть вторая, до сих пор неопубликованная редакция. Она называется «Багровый закат». В отличие от первой редакции, пародийной, критической и поневоле мрачной, Вс. Иванов попытался написать роман позитивный, в котором действительно будет показано настояще социалистическое преображение людей. В «Багровом закате» он развивает утопические мотивы, намеченные в «У» (и само «у» теперь означает первую букву от слова «ударный»), но в finale романа, согласно цитате, приведённой в статье Е. А. Папковой, всё равно появляются следующие слова: «никакого нового человечества нет. Человечество всё старое. Проходит ряд периодов, меняются лозунги, но человечество остаётся таким же...» [\[7, с. 97\]](#). Эти слова у большого художника Вс. Иванова вложены в уста отрицательного персонажа, но, по мнению исследовательницы, их разделял и сам писатель.

Библиография

1. Бердяев Н. А. Мироузырание Достоевского. Прага: The YMCA-Press LTD, 1923. 244 с.
2. Иванов Вс. У: Роман / Всеволод Иванов; Текст подг. к печ. Ш. Бург. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982. 303 с.
3. Иванов Вс. Человек должен жить крупно // Литературная газета. 1931. 7 ноября. С. 3.
4. Иванова Т. В. Писатель обгоняет время // Иванов Вс. Кремль. У: Романы. М.: Советский писатель, 1990. С. 512-528.
5. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Б. А. Ланин. М., 1993. 344 с.
6. Морщихина Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2004. 195 с.
7. Папкова Е. А. Роман Вс. Иванова "У" в общественно-политическом контексте 1930-х годов // Эпоха "Великого перелома" в истории культуры: Сборник научных статей, Саратов, 14-16 октября 2015 года. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2015. С. 91-98.
8. Папкова Е. А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910-1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27-39. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39.
9. Перемышлев Е. В. Двойной портрет. URL:

[https://www.opojaz.ru/shklovsky/double_portret.html#Anchor-'B-9287.](https://www.opojaz.ru/shklovsky/double_portret.html#Anchor-'B-9287)

10. Платонов Ф. Е. Утопические и антиутопические модели в послереволюционной России и их отражение в литературе 1920-х годов // Казанская наука. 2024. № 11. С. 324-327.
11. Плех З. И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятин, А. Платонова, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02. Бишкек, 2008. 23 с.
12. Солдатов В. Е., Тузовский И. Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума // Вестник ЧГАКИ. 2010. № 3 (23). С. 40-49.
13. Черняк М. А. Город в романе Вс. Иванова "У" // Язык, литература, культура: Традиции и инновации. М., 1993. С. 82-85.
14. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2009. 230 с.
15. Эткинд А. М. "У" Всеволода Иванова: Интеллектуальный роман из жизни нэпманов, или Пародия на советский психоанализ // Звезда. 1993. № 8. С. 192-200.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У": фоносемантика аффектированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"" представляет собой исследование в области литературоведения и фоносемантики.

Объектом исследования выступает творчество Вс. Иванова. Предметом является семантика звуком в его экспериментальное романа "У".

Работа опирается на обширную научную базу, состоящую из работ, посвященных творчеству Вс. Иванова, исследованию фоносемантики и антиутопии.

В основной части работы автор подробно описывает своеобразие выбранного материала. Автором подробно анализируются герои романа. Особое внимание автор уделяет аллюзиям и реминисценциям на произведения писателей-предшественников. Автор рассматривает проблематику романа и её воплощение в звуке "У" сквозь призму философии.

В заключении автор приходит к следующим выводам. "Вс. Иванов, обозначая что-то вроде технической утопии, одновременно опровергает её, показывая её безблагодатность и даже невозможность: для людей неестественно ходить строем, жить в тотальной общности, ощущать себя частью исключительно «физической массы». Обычные люди исполнены аффектов, символом которых в книге выступает звук «у», чьё фоносемантическое истолкование восходит к теориям Ломоносова, интуициям Толстого и прозрениям Флоренского. И эти аффекты, живые, хотя и некрасивые человеческие чувства в «У» оказываются способом сопротивления опасной обезличивающей утопии/антиутопии тотального и радикального «перерождения» человека".

Данные выводы интересны, и их можно было бы признать достоверным, если бы в статье были указаны цели работы и методы исследования.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных актуальных источников.

Стиль статьи соответствует критериям научного.

Однако в работе есть существенные недостатки.

Главным недостатком нужно признать то, что в статье отсутствуют ключевые элементы научной статьи: не указаны актуальность и новизна исследования, не описаны цель и

задачи исследования, отсутствует описание метода исследования.

Кроме того, отсутствует минимальное формальное деление статьи на разделы - введение, основная часть, заключение.

Объем статьи также не вполне соответствует требованиям выбранного журнала.

В целом, в статье анализируется ценный научный материал, однако его презентация вкупе с отсутствием соблюдения требований к написанию научных статей заставляет прийти к выводам об отсутствии соответствия содержания статьи общепринятым критериям научности.

Таким образом, хотя статья "Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У: фоносемантика аффективированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"" вносит вклад в исследование русской литературы начала XX века, на данном этапе она не может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования" без устранения вышеуказанных недостатков.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является специфика реализации элементов антиутопического жанра в романе Всеволода Иванова «У». Актуальность работы обоснованно аргументируется как интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений сложной жанровой природы, так и недостаточной изученностью романа «У» в целом («сложилась ситуация, при которой роман классика советской литературы до сего дня оказался по-настоящему не прочитан. Его сюжет непросто корректно пересказать, а его смыслы, начиная с названия и эпиграфов и заканчивая финальными строками, трудно вычленить»).

Теоретической основой исследования выступили работы, посвященные различным вопросам русской литературной антиутопии XX века, идиостилю Всеволода Иванова, изучению романа Вс. Иванова "У" в общественно-политическом контексте 1930-х годов и др. Библиография насчитывает 15 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-сопоставительный методы (при рассмотрении двух редакций романа — собственно «У» и «Багровый закат» — в части описания ими схожего утопического проекта), текстуально-герменевтический анализ произведения, литературоведческий и художественный анализ, методы жанрового и мотивного анализа (при изучении составляющих антиутопии и лейтмотивных комплексов текста).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проанализирован роман Вс. Иванова «У» с точки зрения реализации в нём жанра антиутопии; выявлены основные особенности сюжета, героев, мотивов, образов книги, которые позволяют отнести её к указанному жанру; определена авторская специфика антиутопии в названном романе на фоне второй редакции книги и советской литературы обозначенного периода. В заключении формулируются выводы о том, что «роман «У» Вс. Иванова содержит в себе утопический проект, который при внимательном чтении обнаруживает приметы своей противоположности», «основные черты антиутопии однозначно могут быть обнаружены в

идее создания бесклассового общества на Шадринском металлургическом комбинате на Урале, которая при это мерцает религиозными проекциями» и др.

Проведенное исследование имеет теоретическую значимость, которая определяется его вкладом в изучение жанра антиутопии и особенностей его реализации в произведении Всеволода Иванова «У». Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных творчеству и идиостилю Всеволода Иванова и др.

Обращаем внимание автора(ов), что в заголовке статьи пропущены закрывающие кавычки после названия романа «Скрытая антиутопия в романе Вс. Иванова "У: фоносемантика аффективированной индивидуальности vs. тотальное и радикальное "перерождение"».

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».